

Научная статья

УДК 81.42

DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_38

Стереотипные представления о русских в современном немецком романе

А. А. Клиновская

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

anna-klinov2@yandex.ru

Аннотация. В статье с позиций когнитивной лингвистики рассматриваются проблемы этнической стереотипизации. Анализируются средства вербализации социальных стереотипов, в частности, стереотипных представлений о русских в современном немецком литературном тексте, на материале произведения «Черно-белый роман» М. Пошман. Делается вывод о преобладании негативных гетеростереотипов в анализируемом романе.

Ключевые слова: стереотипизация, социальный стереотип, национальный стереотип, русские, Пошман

Для цитирования: Клиновская А. А. Стереотипные представления о русских в современном немецком романе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 38–43. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_38

Original article

Stereotypes about Russians in Modern German Novel

Anna A. Klinovskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

anna-klinov2@yandex.ru

Abstract. The paper deals with ethnical stereotyping from the point of view of the cognitive linguistics. It analyzes the means of verbalization of social stereotypes about Russians in modern German literary text on the material of “Black and White Novel” by Marion Poschmann. The conclusion about the prevailing negative heterostereotypes in the novel is made.

Keywords: stereotyping, social stereotype, national stereotype, Russians, Poschmann

For citation: Klinovskaya, A. A. (2023). Stereotypes about Russians in Modern German Novel. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 38–43. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_38

ВВЕДЕНИЕ

Человек не в состоянии охватить все разнообразие мира и вынужден руководствоваться устойчивыми культурно обусловленными структурами знаний часто оценочного характера, чтобы найти свое место в обществе. Такие оценочные структуры знаний, относящиеся к общественным группам, принято называть социальными стереотипами.

Особенности актуализации социальных стереотипов и их функционирование в различных видах дискурса – институционального, рекламного, политического – неоднократно становились предметом изучения лингвистов (см., например: [Ириханова, 2012; Nielsen, 2016; Клиновская, 2007]). В данной статье с позиций когнитивной лингвистики и социальной семиотики будет рассмотрена вербализация национальных стереотипов, в частности, стереотипных представлений о русских в художественном тексте на материале произведения «Черно-белый роман» современной немецкой писательницы Марион Пошман¹. При этом ставится цель выделить и рассмотреть отдельные структурные компоненты национального стереотипа, определить средства его вербализации и охарактеризовать его оценочный компонент.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТЕРЕОТИП КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Термин «стереотип» получил распространение в сфере гуманитарных наук после публикации книги «Общественное мнение» американского журналиста У. Липпмана в 1922 году. Автор определил в ней стереотип как упрощенное, принятое заранее представление, которое не вытекает из непосредственного личного опыта и помогает человеку ориентироваться в окружающем мире: «В огромном шумном многоцветии внешнего мира мы вычленим то, что уже было определено нашей культурой. Мы воспринимаем предметы через стереотипы нашей культуры» [Липпман, 2004, с. 97]. Стереотип диктуется культурой, в которой он сформировался, и «...последовательно и авторитетно передается из поколения в поколение» [там же, с. 107].

Среди функций стереотипов У. Липпман называет генерализирующую и защитную: «Помимо экономии усилий существует еще одна причина, по которой мы пользуемся стереотипами, в то время как могли бы придерживаться и более объективного взгляда на вещи. Системы стереотипов

могут служить... способом защиты нашего положения в обществе» [там же, с. 108]. Таким образом, стереотип способствует мыслительной экономии и помогает сохранить ценности общества. «Стереотипы... – бастион нашей традиции, и, укрывшись за стенами этого бастиона, мы можем чувствовать себя в безопасности» [там же, с. 109]. У. Липпман указывал на эксплицитно-оценочный характер стереотипа и подчеркивал его связь с языком: «Внешние стимулы, особенно произнесенные или сказанные слова, активизируют некоторую часть системы стереотипов, так что непосредственное впечатление и ранее сложившееся мнение появляются в сознании одновременно» [там же, с. 111].

Если первоначально стереотип считался пространственным мнением о любом значимом предмете или явлении (например, У. Липпман говорил о стереотипе прогресса или свежего росистого утра), то в 70-е годы XX века возник термин «социальный стереотип», относящийся исключительно к социальным объектам (общественным группам). В лингвистике этот термин утвердился благодаря опубликованной в 1973 году работе немецкой исследовательницы У. Квастхоф «Социальный предрассудок и коммуникация. Лингвистический анализ стереотипа» («*Soziales Vorurteil und Kommunikation. Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps*»). Первоначально она предлагает следующее определение термина: «Стереотип – вербальное выражение убеждения, направленного на социальные группы или на человека как члена этих социальных групп» [Quasthoff, 1989, с. 182]². Позднее У. Квастхоф рассматривает социальные стереотипы уже не как языковые единицы (предложения), а как элементы общественного сознания, находящие отражение в языке.

Теоритические положения У. Квастхоф продолжила развивать Я. Дябровска, которая понимает под стереотипом «элемент родового культурно-специфического ориентирующего знания, т.е. суждение о социальной или этнической группе, которое содержит отрицательную, положительную или нейтральную оценку» [Dąbrowska, 1999, с. 86].

В рамках когнитивной лингвистики социальный стереотип рассматривается как ментальная единица, которая актуализируется в дискурсе при помощи языковых средств. При этом имя социального стереотипа, называющее социальную группу, не эксплицирует его, а лишь указывает на него, вызывая в сознании людей соответствующие ассоциации. «Достаточно назвать кого-то в определенном окружении евреем, американцем, греком, турком, поляком, чтобы вызвать соответствующие

¹ Marion Poschmann. Schwarzwelßroman. Frankfurt am Main: Frankfurt-er Verlagsanstalt GmbH, 2005

² Зд. и далее перевод наш. – А. К.

фобии или в некоторых случаях положительные реакции, даже если этот человек никогда не встречался с представителями соответствующей группы» [Schaff, 1980, с. 31]. Стереотип может быть выражен эксплицитно лишь в предложении или в тексте.

СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РУССКИХ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «ЧЕРНО-БЕЛЫЙ РОМАН» М. ПОШМАН

Выбранный в качестве практического материала роман, повествование в котором ведется от лица главной героини, рассказывает о поездке молодой немки в Россию, на Урал, где работает ее отец-инженер. Текст романа нацелен на воссоздание национальных гетеростереотипов о русских, сложившихся в немецком обществе.

Далее будут рассмотрены наиболее типичные черты, приписываемые русским.

Анализируя взаимодействие социокультурных моделей в некоторых типах институционального дискурса, О. К. Ирисханова выделяет следующие структурные компоненты стереотипа: «типичные социальные роли (муж, жена, хозяйка дома, гость); социальные события, в которых участвуют субъекты (бал, скачки, встреча гостей, презентация); типичные социальные действия, осуществляемые той или иной группой людей (танцевать, развлекать гостей, беседовать, работать, вышивать, жестикулировать); социальные институты (семья, церковь, школа, социальный класс, офис); система оценок (скромность, опрятность, благородство манер, целеустремленность)» [Ирисханова, 2012, с. 180]. Этот перечень можно дополнить такими структурными компонентами стереотипа, получившими отражение в романе, как типичная внешность, манера одеваться, отношение к работе, мировоззрение.

При рассмотрении стереотипной внешности русских в исследуемом художественном тексте необходимо отметить наложение национальных стереотипов на гендерные. Русские мужчины предстают в романе длинноволосыми и бородатыми. Немецкий сотрудник фирмы Альбрехт, который стремится ассимилироваться в России, отрастил себе бороду и перестал стричься, в результате чего стал выглядеть даже «более русским, чем русские».

Русские женщины уделяют много внимания своей внешности, стремясь привлечь внимание мужчин, для чего предпочитают неестественные высокие прически и яркий макияж. Например, администратор гостиницы Людмила превращает при помощи расчески и лака свои редкие волосы во «вьющуюся гриву» и «маскирует свое лицо под толстыми слоями краски»:

In der Garderobe arbeitete sich Ludmilla mit Lockenstab und Kamm durch ihr dünnes Haar, sie bauchte es zu einer wallenden Mähne, sprühte dicke Wolken Festiger auf, sobald die Frisur saß, ließ sie ihr Gesicht in Windeseile hinter dicken Farbschichten verschwinden.

Описывая цвет помады Людмилы, автор использует градацию и определяет этот яркий цвет среди прочего как «русский красный», видимо, вызывая ассоциацию с цветом флага Советского Союза:

Karmesinrot. Kardinalsrot. Krapplack. Rubinrot. Äußerstrot. Russisch Rot. Hingezauberter Blütenmund, Mund als entblätternde Tulpe, Kamelienmund.

Приглашенные на день рождения немецкого сотрудника русские женщины предстают в романе с размалеванными лицами, слишком тяжелыми украшениями, оттягивающими мочки ушей и, скорее всего, причиняющими боль, в слишком открытых нарядах, из-под которых выглядывают напоминающие пуддинг пышные формы:

Begeisterte Frauengesichter, die vor Farbe krachten... Ein locker gehäkelttes Oberteil mit schwarzem Büstenhalter darunter. Ein Kleid, dem die Brust aus dem Ausschnitt quoll. Ein schwerer klirrender Ohrring, der das Ohrläppchen nach unten zog. Ein Clip, der sich fest ums Fleisch klemmte und dem man den Schmerz, den er verursachte, nicht ansah. Das alles gehörte dazu. Es gehörte zu einer Orgie zweifellos dazu. Nacktheit, die sich vorpreschte, sich herauswölbte, wackelte. Körper wie Puddinge, zugänglich, weich, mit einer Oberfläche, die sich leicht durchstoßen ließ.

Описываемые в приведенном фрагменте семейные женщины, приглашенные на праздник, – учительница, администратор и др. – мало чем внешне отличаются от девушки легкого поведения, которая ждет отца главной героини перед его номером. Это блондинка с высоко зачесанными волосами в мини-юбке и блузке с глубоким вырезом:

Auf dem Treppenabsatz stand eine Blondine mit hochtoupiertem Haar. Sie trug einen winzigen Rock, eine schwarze Netzstrumpfhose, ein tief ausgeschnittenes Oberteil.

Таким образом, на основании анализируемого художественного текста можно реконструировать стереотип русской женщины, предпочитающей яркий макияж, бросакие украшения и подчеркнуто женственный стиль в одежде. С другой стороны, по первым наблюдениям главной героини романа, люди в России одеваются старомодно и «серо», их одежда как бы покрыта слоем плесени.

Если рассматривать такой структурный компонент стереотипа, как типичные социальные роли, то в романе воспроизводится стереотип о русской женщине как заботливой жене и гостеприимной хозяйке. На женщин ложится главный груз по материальному обеспечению семьи, потому что мужья либо пьяницы, либо безвольные и никчемные люди. При этом женщина должна радоваться, что заполучила хотя бы такого мужа, как, например, учительница Вера, муж которой все пропил:

Sie hat es so schwer gehabt im Leben, einen Trinker geheiratet, der alles versoffen hat, nicht ungewöhnlich in Rußland... eine weitere Heirat – aussichtslos, hier will niemand eine Frau mit Kind. Der Frauenüberschuß ist so erheblich, daß jede Frau froh sein kann, einen abzukriegen...

Стереотип русского пьянства проходит лейтмотивом сквозь весь роман. Национальный напиток водку пьют стаканами практически везде – дома, в гостях, в бане и на работе:

Feier, Feier, Feier. Wodka in Wassergläsern. Sie (Ludmilla) wickelte Wurstbrote aus Zeitungspapier, sie öffnete eine Tüte Bonbons, füllte Tee und Wodka in bereitstehende Gläser. Sie förderte ein Gürkenglas zutage und bearbeitete eine Obstkonserve mit dem Taschenmesser, sie ließ sich nicht unterkriegen, sie wußte zu leben. ...ich weiß nicht, wie die das hinkriegen, ob sie ständig so betrunken sind, dass sie rot und blau nicht unterscheiden können.

Поддерживается в романе и стереотипное представление о том, что русские любят поесть. В тексте упоминаются традиционные русские блюда, такие как борщ, пироги с капустой, соленые огурцы и грибы, другие домашние заготовки.

Русский колорит создается в романе благодаря описанию ряда типичных социальных ситуаций (поход в баню, рыбалка, поездка на поезде). Автор использует при этом русские реалии, такие как избушка Бабы-Яги, березовый веник, медные подстаканники и самовар:

Hütte der Baba Jaga auf wankenden Beinen, man rutschte über den seifigen Boden, man ging schamhaft gebeugt, warf seitlich verstohlene Blicke auf Bäume und Brüste, horchte dem Klatschen der Birkenruten nach.

Wie saßen uns gegenüber und tranken Tee. Gläser in ziseliertem Blech, heißer Henkel. Kochendes Wasser aus dem Samowar im Gang.

Еще один важный компонент национального стереотипа – отношение русских к работе. Русские сотрудники представлены в анализируемом романе безответственными, непрофессиональными, вороватыми пьяницами. Отец главной героини жалуется ей, что его русские подчиненные не следуют указаниям начальства, не придерживаются чертежей и делают, что хотят:

Das ist gar nicht so einfach, die Leute, die dafür eingesetzt werden, machen, was sie wollen. Sie müßten sich nur nach der Zeichnung richten, aber nein, sie wursteln sich hier und da was zurecht.

Работы на стройке не могут сдвинуться с мертвой точки, потому что часть материалов не была поставлена, те материалы, которые все же были поставлены, пришли в негодность из-за неправильного хранения. Часть материалов по документам есть в наличии, но найти их нет никакой возможности.

То же безответственное отношение русских к своим обязанностям имплицитно присутствует при описании проржавевших газовых труб, обмотанных тряпками, и гостиничного номера с продавленными матрасами, сломанными розетками и разбитой люстрой. Узнав о том, что в номере разбился плафон, администратор гостиницы лишь пожимает плечами:

Mein Vater reparierte die Decklampe... Die Glasscheibe zerbrach in zwei Stücke. Wir meldeten den Vorfall an der Rezeption. Achselzucken. Mein Vater klebte die Teile mit Tesafilm notdürftig zusammen und montierte die Scheibe wieder ein.

Что касается стереотипных качеств русского человека, то на основании анализируемого романа можно сделать вывод об апатичности русских и отсутствии гражданского самосознания. Например, никто не возражает и не жалуется на несправедливое обращение, не протестует при виде явно противоправных действий и «не хочет вмешиваться в чужие дела»:

Wer wollte sich einmischen. Man erledigte seine Angelegenheiten.

Русские, наряду с жителями других социалистических стран, описываются автором как лишенные души, причем это обстоятельство иронично расценивается как преимущество:

Angehörige sozialistischer Systeme haben den Vorteil, daß es bei ihnen die Psyche nicht gibt.

Что касается такого структурного компонента национального стереотипа, как мировоззрение, в романе оно неразрывно связано с советским прошлым. Например, в квартире своего русского знакомого главная героиня видит многочисленные изображения Ленина. Его бабушка предстает убежденной коммунисткой, которая по-настоящему счастлива только когда работает в коллективе, размахивает флагом или поет гимн:

Sie ist dem Kommunismus vollständig verfallen. Unkritisch, begeistert. Ersetzt ihr die Familie... Sie wollte ackern, Fahnen schwenken, Hymnen schmettern, sie war selig, wenn sie in der Masse durch das Werkstor ging, fühlte sich geborgen, gebraucht, erhoben.

Главная героиня романа постоянно вспоминает о том, что она находится в стране, где долгое время господствовал социализм, и употребляет ключевые слова, отсылающие к той эпохе: восточный блок, опасная восточная зона, пятилетка, принудительная коллективизация сельского хозяйства, трудящиеся (*der Ostblock, die gefährliche Ostzone, der Fünfjahresplan, die Zwangskollektivierung der Landwirtschaft, die werktätige Bevölkerung*).

С социалистическим прошлым страны связывается и считающееся типичным для русских неуважение к правам личности и личному пространству. Например, тот факт, что незнакомый русский мужчина, сидящий рядом с героиней романа в самолете, слишком тесно к ней прижимается, она объясняет его социалистическим мировоззрением и отказом от индивидуального в пользу общественного:

Man wußte nicht, was hie üblich war, ein anderer Körperabstand, eine andere Auffassung vom Recht der Persönlichkeit. Ich erinnerte mich an die Betonung der Gemeinschaft in den sozialistischen Ländern, an die Abkehr vom Individuellen. Der Mann schreckte kurz auf, rückte sich zurecht, schmiegte sich, gepolstert vom Pelzmantel, enger an mich an.

В другом эпизоде такое назойливое поведение со стороны мужчины эксплицитно называется «русскими нравами» (*die russischen Sitten*).

Национальный стереотип включает представление о том, что русские непредсказуемы и

от них всего можно ожидать. Они «шли и возводили многоэтажные дома в сибирской вечной мерзлоте, прокладывали железные дороги через непроходимые болота, запускали собак в космос» и бесцельно сидели в мороз на замерзшей реке с удочками:

Andererseits, man konnte sich nicht sicher sein, man war nicht zu Hause, den Russen traute ich vieles zu. Sie gingen hin und setzten Hochhäuser auf Stelzen in den Permafrost Sibiriens, sie bauten Eisenbahntrassen durch unpassierbare Sümpfe, schossen Hunde in den Kosmos – hier hockten sie nun...

Отмечая произвольный и неосознанный характер социальных стереотипов, О. К. Ирисханова указывает на то, что они «могут навязываться обществом и целенаправленно воспроизводиться во многих типах дискурса» [Ирисханова, 2012, с. 178]. Не исключение и дискурс художественной литературы, где, на наш взгляд, намеренно воспроизводятся и утрируются национальные гетеростереотипы. Следует отметить, что социальные стереотипы, будучи культурно обусловленными, содержат не столько объективную информацию о социальной группе, к которой они относятся, сколько о субъекте стереотипизации – том обществе, в котором они сформировались.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в статье были проанализированы такие структурные компоненты национального стереотипа, как типичная внешность и манера одеваться, типичные социальные роли, типичные социальные действия, социальная оценка, отношение к работе, типичное мировоззрение. Подводя итог проведенному анализу, следует отметить, что стереотипные представления о русских, актуализируемые в произведении «Черно-белый роман» М. Пошман, отличаются преимущественно отрицательной окраской. Русские предстают перед читателем отталкивающими, чуждыми и непредсказуемыми, даже опасными. Национальные стереотипы вербализируются как эксплицитно, так и имплицитно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ирисханова О. К. Стереотипы, эталоны и другие социокультурные модели в дискурсе: сходство и различия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 5 (638). С. 173–184.
2. Nielsen M. Stereotype als Bestandteil von Werbestil // Linguistik online. 2016. 79. S. 231–252.
3. Клиновская А. А. Лингвокогнитивные особенности актуализации общественных стереотипов в политическом журнальном дискурсе ФРГ: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
4. Липпман У. Общественное мнение. М.: Общественное мнение, 2004.

5. Quasthoff U. Social Prejudice as a Resource of Power: Towards the Functional Ambivalence of Stereotypes // Language, Power and Ideology – Studies in Political Discourse. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1989. P. 181–196.
6. Dąbrowska J. Stereotype und ihr sprachlicher Ausdruck im Polenbild der deutschen Presse: eine textlinguistische Untersuchung. Tübingen: Narr, 1999.
7. Schaff A. Stereotypen und das menschliche Handeln. München ; Zürich ; Wien, 1980.

REFERENCES

1. Iriskhanova, O. K. (2012). Similar or Different? On Stereotypes, "Paragons" and Other Socio-Cultural Models in Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 5(638), 173–184. (In Russ.)
2. Nielsen, M. (2016). Stereotype als Bestandteil von Werbestil. Linguistik online, 79, 5, 231–252.
3. Klinovskaya, A. A. (2007). Lingvokognitivnyye osobennosti aktualizatsii obshchestvennykh stereotipov v politicheskom zhurnalnom diskurse FRG = Linguacognitive Features of Social Stereotype Actualization in German Political Magazine Discourse: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Lippman, W. (2004). Public Opinion. Moscow: Obshchestvennoe mnenie. (In Russ.)
5. Quasthoff, U. (1989). Social Prejudice as a Resource of Power: Towards the Functional Ambivalence of Stereotypes. Language, Power and Ideology – Studies in Political Discourse (pp. 181–196). Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
6. Dąbrowska, J. (1999). Stereotype und ihr sprachlicher Ausdruck im Polenbild der deutschen Presse: eine textlinguistische Untersuchung. Tübingen: Narr.
7. Schaff, A. (1980). Stereotypen und das menschliche Handeln. München ; Zürich ; Wien.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клиновская Анна Анатольевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Klinovskaya Anna Anatolyevna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	13.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication